

Джон Сноу. Это было имя, которое дал ему Эддард Старк. Эйгон Таргариен, это имя Лианна прошептала Эддарду за мгновение до своей смерти, и это имя он желал гораздо больше. Эйгон, то же, что и завоеватель. Такой титул мог бы привести к большой удаче в будущем. Темный Лорд был очень рад получить его. Менее радостно было услышать, что случилось с его братьями и сестрами в столице. Бедная, милая Элия Мартелл и ее дети, зарезанные и завернутые в плащи Ланнистеров. Эти двое детей могли бы быть полезны, они могли бы стать могущественными союзниками, в них была сильна кровь дракона. Порядок рождения не имел значения, Темный Лорд возвысился бы над ними, господствовал над ними и склонил их к своей воле.

К сожалению, этому не суждено было сбыться. Когда его несли на руках плененной мокрицы прочь от Башни Радости, он почувствовал, что за ним следуют тени Назгулов. Трое из них тайно следовали за ним, доставляя тело и меч сира Артура Дэйна его семье. Гарри послал мысленную команду одному из преследующих Назгулов выкрасть тело, когда представится возможность, и отнести его Лилит, где его можно будет воскресить из мертвых и использовать для особой цели. Один из величайших бойцов на мечах во всем Весторосе. Вот это был бы полезный слуга.

Находиться в теле младенца было все равно что парить в облаке. Все было легким, и казалось, что ты меняешься от дуновения ветерка.

В таком теле мало что можно было делать, разве что думать. И именно этим занимался Темный Лорд. Из руин Башни Радости он вернулся на Север, в руки своего дяди Эддарда Старка. Размышляя, размышляя о жизни, размышляя о будущем. Тело было стабильно, сила Темного Лорда сдерживалась. Теперь оставалось лишь подождать несколько лет, прежде чем он сможет начать использовать ее.

Детство, которому он был подвергнут, навевало ужасные воспоминания. Оно было не таким бедным, как его первое детство, но гнев и обида, проявленные к нему женой Эддарда Старка, Кейтилин, хоть и были понятны, но напоминали ему о его самых дорогих тете и дяде из его жизни в качестве Гарри Поттера.

В течение четырех лет сила текла через маленькое тело мальчика, обрабатывая и закаляя его. Закаляя его для будущего использования. Из-за этого он часто истощался и выглядел довольно болезненным. Часто он был прикован к постели, но это было в порядке вещей. В темноте ночи он продолжал направлять великую магию через свое новое тело, гарантируя, что когда придет время, его можно будет использовать, чтобы высвободить всю свою мощь против армий людей и эльфов.

В это время он наслаждался отвратительным присутствием жены Эддарда Старка, Кейтилин. Вначале женщина шептала тихие молитвы своим богам, чтобы они забрали его во сне. По ее сведениям, он был бастардом, рожденным от неверности ее мужа, и она предпочла бы видеть его мертвым, чтобы он стал угрозой для ее истинно рожденных детей.

Однажды, ближе к концу его подготовки, ее охватило чувство вины. Он вспомнил, как она стояла на коленях у его постели, когда он притворился спящим, и клялась и обещала старым и

новым богам, что если он будет жить, то она будет воспитывать его как подобает матери. Она больше не будет обращаться с ним так плохо.

И вот, когда он закончил свои приготовления, ему стало лучше. Он больше не был болезненным или слабым. Более того, к пяти годам он больше никогда не болел.

Леди Кейтилин не сдержала своего слова. Между ними ничего не изменилось. Она по-прежнему относилась к нему с открытой неприязнью и редко позволяла своим детям общаться с черной овцой семьи Старков.

Но это не имело большого значения. Черная овца прекрасно проводил время в одиночестве. Именно в минуты одиночества его часто искал Робб Старк, старший, истинно рожденный сын Неда Старка. Мальчику всегда было любопытно узнать о своем сводном брате, и Джон Сноу охотно принимал его присутствие.

Несмотря на так называемые узы, которые он постепенно установил со своим братом и отцом, Джон Сноу никогда не забывал, кем он был. Король. Таргариен. Повелитель тьмы и ужаса. Огня и Тени. Его судьба перевешивала что-то такое маленькое и жалкое, как Винтерфелл.

Когда Джону было шесть лет, Грейджой восстали против короля Роберта, узурпатора трона его семьи.

И с этим восстанием Нед Старк отправился на войну. А позже он вернулся, победителем и с новым подопечным для семейного дома. Теон Грейджой.

К восьми годам Джон каждый день проводил в тренировочных дворах, оттачивая мышцы и заново обучая свое тело владению клинком.

Каждую ночь он заходил в склепы Винтерфелла и шепотом разговаривал с древними мертвецами. Там, в тени, глубоко под замком, он практиковал свою магию.

Шли годы, Джон Сноу замыслил и планировал, всегда оставаясь stoическим, тихим и задумчивым, но с почти неестественной грацией, которая привлекала внимание людей.

Долгими утрами из божественного леса доносился нежный певучий голос. Там, внутри, Джон Сноу пел сам себе, часто его голос переходил на песни из детства Гарри Поттера, колыбельные и тому подобные, которые он пел своей сестре, когда они оба были маленькими.

Гарри Поттер всегда умел петь, хотя часто стеснялся. К тому времени, когда он поступил в Хогвартс, он перестал петь сам, и только иногда пел своей близняшке, когда она чувствовала себя подавленной или одинокой.

Мало кто знал об этом. Это даже стало неожиданностью для многих его друзей в Хогвартсе,

которые однажды услышали его пение на берегу озера, недалеко от замка.

После стольких лет его пение значительно улучшилось. Он разучивал песни эльфов и людей Средиземья. Песни, которые он придумывал сам, когда ему было скучно. Собственно, даже в облике Аннатара он иногда пел, позволяя своему ровному, часто печальному и одинокому голосу нести нежные мелодии, наполнявшие сердца людей тихим довольством, а иногда и смирением.

Пение было почти всем, что осталось от того человека, который так давно сражался за Свет. С тех пор он сильно изменился, его сердце остыло от битв и предательства. Он стал безразличен к судьбе других и часто находил удовольствие в их страданиях. За время своего долгого пребывания в роли Саурана он почти никогда не пел. А если и пел, то только для того, чтобы почтить память своей потерянной любви.

С новым телом и новым голосом он снова учился петь, надеясь однажды снова спеть своей любимой сестре и увидеть ее искреннюю улыбку, как она так редко улыбалась.

Иногда его нежный, детский голос привлекал других к его пению, и они стояли и слушали, как он поет песни, которые они не совсем понимали. Нежные мелодии о возвращении домой, к тому, что было самым дорогим, и о том, как снова обрести любовь.

Ему было мало дела до их взглядов, и он часто игнорировал их, не отвечая на вопросы, где он научился таким песням или когда стал так хорошо петь. Робб и Теон поддразнивали его за это, а иногда он обращал на Неда озабоченные и печальные взгляды, и именно в такие моменты Джон понимал, что видит в нем Рейегара Таргариена.

Однажды во время его пения к нему подошла его младшая сестра Санса Старк, она стояла и слушала его песню. В тринадцать лет его голос был легким и все еще наполненным детской юностью, но его песня несла в себе нежную красоту. Эта красота вызвала слезы на ее глазах, как плакала ее тетя Лианна над песней принца Раегара на турнире в Харренхолле.

Между братьями и сестрами всегда были натянутые отношения. Джон был отстраненным, а Санса была драгоценным ребенком Кейтилин. Она часто забивала Сансе голову чепухой о Джоне и о том, каким должен быть бастард.

После того, как она впервые услышала его пение, Санса стала проводить время в окрестностях богороци, слушая Джона всякий раз, когда он выходил петь.

То, что она часто появлялась, чтобы послушать его пение, часто напоминало ему о его прошлом и о его настоящей сестре, к которой он однажды вернется. Но, конечно, помимо комфорта аудитории, были и другие преимущества в том, чтобы добиться обожания старшей дочери Старков.

Джон начал постепенно уделять Сансе больше внимания, время от времени поглядывая на нее,

что пугало ее и заставляло убегать всякий раз, когда она ловила себя на том, что слушает или смотрит на него. Он стал больше петь о том, что, как он знал, нравилось Сансе. Песни о великих рыцарях. О королях и королевах, о любви. Песни, которые заставляли ее краснеть и улыбаться.

Когда ему было четырнадцать, он подошел к тому месту, где она пряталась, слушая его пение, молча протянул ей цветок и очаровательно и красиво улыбнулся. Два дня она не могла заставить себя посмотреть на него.

По мере того как он становился старше, его способность манипулировать своей красивой внешностью и таинственным обаянием притягивала взгляды многих заинтересованных поклонников. Он вырос красивым, с волчьими чертами своих братьев и сестер Старков, но с красотой Таргариенов. Он был очень хорош собой, крепко сложен, силен, худощав и привлекал внимание окружающих.

Джон никогда не обращал внимания на своих потенциальных женихов. В этом мире у него были глаза только на одну женщину. Все остальные были просто пешками. Друзья, семья, партнеры по постели - все это было лишь инструментом для достижения его целей.

В пятнадцать лет он начал дразнить свою младшую сестру, оставляя ей тайные подарки в местах, где, как он знал, она будет находиться. Цветы, трогательные стихи, а когда он пел, то о любви, привязанности, романтике. Вещи, которые, как он знал, заставят ее сердце трепетать.

Он всегда знал, кто находится поблизости, когда воздействовал своими чарами на Сансу. Он никогда не позволял Кейтилин, Неду, Роббу или кому-либо в замке поймать его. Сама Санса изо всех сил старалась делать вид, что не думает о нем, как будто ее красивый, благородный и талантливый сводный брат-бастард не был постоянно у нее на уме.

Однажды Теон спросил его о явной незаинтересованности в обморочных женщинах, которые приходили послушать его пение или посмотреть, как он тренируется во дворе. Лордлинг Грейджой любил делать намеки на Джона, что часто вызывало игривый смех у Робба, который присоединялся к подтруниванию. Наконец Теон потребовал рассказать, что за женщина интересуется Джоном.

Джон знал, что Санса находится неподалеку и подслушивает их подтрунивания, поэтому Джон спокойно ответил, что есть много красивых птиц, которые кажутся ему интересными, но будь они темными, светлыми или рыжими волосами, он никогда не скажет об этом ни одной из них. В отличие от Теона, он не посмел бы обесчестить прекрасную деву, хвастаясь своими завоеваниями в постели.

Теон укорял его, а Робб посмеивался над его слишком благородной натурой.

Джон просто улыбнулся и сказал, что, когда он найдет красавицу, которую искал, он не сможет оторвать от нее глаз.

Теон немного поддразнил его за это, но Робб защитил его, признав, что это благородный поступок.

Теон лишь покачал головой, пробормотав, что они оба еще слишком молоды, чтобы понять это, но когда-нибудь поймут. Женщины - это весело, если знать, как играть в их игры.

Джон согласился, что играть в такие игры может быть весело, но его гораздо больше интересовала возможность лечь со своей избранницей и проводить ночи в постели, оказывая ей почести и проводя руками по ее волосам.

Теон признал, что Джон безнадежный романтик. Он предположил, что, возможно, если он когда-нибудь выйдет из Годсвуда, он действительно найдет женщину, которую ищет.

Джон ответил, что, возможно, однажды она найдет дорогу к нему.

Разговор быстро свернул с любовной темы на более важные дела, такие как предстоящая охота. Джон обратил внимание на Сансу, проходящую мимо и игриво глядящую свои волосы с улыбкой на лице. Он точно знал, что она представляла себе, когда двигалась в сторону замка.

Его глаза проследили за ней на мгновение, достаточно долгое, чтобы она оглянулась на него и заметила его взгляд.

Встретив его взгляд, она тут же отвела глаза и поспешила прочь, прежде чем он успел заметить румянец, который, как он знал, распространился по ее лицу.

Джон ухмыльнулся и захихикал про себя, ни Теон, ни Робб не заметили произошедшего, оба были заняты тем, что подшучивали над способностями друг друга с копьем.

В последующие дни Санса стала наблюдать за ним все больше и больше. И он стал отвечать взаимностью на ее любопытные взгляды.

Ее румянец и неспособность удержаться от того, чтобы не отвернуться, говорили о многом.

Старшая дочь дома Старков быстро переходила под его контроль. Его завоевание дома Старков было тонким делом: дружба с Роббом, обожание Сансы, привязанность Арьи, маленькие Бран и Рикон, заботящиеся о нем как о старшем брате.

Леди Кейтилин была права, беспокоясь о нем. Если бы она знала о его намерениях в отношении ее детей, она бы убила его еще в младенчестве. Более чем вероятно, что так же поступил бы и почтенный Нед.

Вскоре после этого Джон поздно вечером загнал Сансу в угол в ее спальне. Он пробрался к ней

через окно и ждал, когда она ляжет спать.

Когда она пришла, то чуть не вскрикнула от испуга, увидев его.

"Что ты здесь делаешь?" спросила она робко и нервно.

"Эта игра, в которую мы играли... это было весело. Но мне все больше не терпится понаблюдать за тобой". Джон ответил, заставив ее моргнуть и отвернуться от него, ее щеки покраснели.

"О чем... о чем ты говоришь?" спросила Санса, когда он подошел к ней.

"Твоя привязанность ко мне, моя - к тебе. Мы уже давно играем в эту игру, Санса. Что бы подумала твоя мать, если бы узнала, сколько раз ты думала обо мне?" ответил Джон, шагнув к ней. Глаза Сансы расширились, и она попыталась набраться храбрости, готовая оспорить его слова, назвать его лжецом, но как только она повернулась к нему лицом, он поймал ее лицо в свои руки и нежно прижался губами к ее губам.

По ее плоти заплясали мурашки, а в животе запорхали бабочки, когда она почувствовала, что тает в своем первом поцелуе.

Не имея ни опыта, ни представления о том, как она должна была ответить, все, что она могла сделать, это прильнуть к нему, отвечая на поцелуй.

Двое оставались прижатыми друг к другу в течение нескольких долгих мгновений. Когда они расстались, Санса закрыла глаза. На ее лице плясала улыбка, а в голове проносились фантастические образы. Ее благородный, добрый, красивый брат. Такой красивый, обаятельный, нежный и умелый. Все, о чем она когда-либо мечтала, в ее рыцаре в сияющих доспехах. Уже больше года она всегда мечтала о своем прекрасном принце.

В ее глазах его единственным недостатком было то, что он был ублюдком. Но в этом смысле, это делало его лучше, ее привязанность к нему. Он был всего лишь ее сводным братом. Она была молода, и, несмотря на то, что знала, что это неправильно, запретно и сведет ее мать с ума, медленно, но верно Санса поняла, что может думать о своем брате-бастарде только так.

Медленно открыв глаза, она увидела, что его серебристо-серые глаза смотрят на нее, а на его губах расплылась очаровательная улыбка.

Улыбка, которую он приберегал почти исключительно для своей семьи, и для нее в частности. Люди называли его задумчивым и хандрящим, но Санса видела это насквозь. Он был таким добрым и нежным. Спокойный и застенчивый. И постепенно она стала обожать его, а теперь он поцеловал ее, подтвердив тем самым ее сомнения в том, что он испытывает к ней те же чувства.

"Почему ты это сделал?" Она не могла не спросить. Вопрос должен был прозвучать, несмотря на то, как сильно она хотела, чтобы он поцеловал ее и продолжал целовать. Как в сказках, с рыцарями и их прекрасными дамами.

"Потому что я этого хотел. Мы волки, а волки берут то, что хотят. Как я уже сказал... Я устал играть в эту игру. Я хочу, чтобы ты знала, что я чувствую к тебе, чтобы между нами было взаимопонимание". ответил Джон. Санса опустила глаза к земле, ее улыбка стала еще шире.

Джон пристально смотрел на нее, его взгляд был холодным и страстным. Такие вещи легко скрывали необработанную силу и злобу внутри него.

"Какая очаровательная малышка, Санса. Лилит всегда любила свои игры. А еще больше она любила разврат. Сводные брат и сестра, вовлеченные в кровосмесительную связь, как скандально и совершенно развратно". размышлял про себя Джон.

"Что теперь будет?" спросила Санса, с любопытством глядя на него.

"Такая невинность..." подумал про себя Джон и потянулся к ее лицу.

"Я могу поцеловать тебя снова?" предложил он, заслужив румянец и быстрый кивок.

Улыбнувшись, он наклонился и поцеловал ее снова. Пока их губы неуверенно танцевали, Темный Лорд наполнял свой разум образами этого чистого и невинного существа в его руках, и того, что он сделает с ней, когда представит ее своему любимому близнецу.

Для него это была новая территория. Он надеялся, что когда они снова увидятся, она восстановит часть, если не все свои воспоминания, читая его дневник и упиваясь воспоминаниями, которыми он его наполнил.

Между Лилит и Морготом было явное различие, и это различие имело отношение к физическому. Моргот познал существование только как высшее существо и не понимал удовольствий плоти. В каком-то странном смысле это делало ее "невинной". На самом деле такие физические вещи были редкостью в Средиземье. Такие вещи, как изнасилование, растление и кровосмешение, были редкостью. Несмотря на разрушенную войной природу. Люди были гораздо более невинны в Средиземье. Менее... реальными. Очевидно, это было частью замысла Эру, уменьшившего сексуальное влечение своих творений, чтобы держать их в узде. Это не значит, что такие вещи не происходили, потому что они, несомненно, происходили, но если посмотреть на Средиземье в сравнении с Весторосом или даже с его собственным миром, то можно обнаружить заметную разницу в статистике.

Моргот, конечно, не интересовали подобные вещи, на самом деле ее больше интересовал скандал и табуированность этих действий, а не разврат и извращенная природа, стоящая за ними.

Лилит же интересовалась физическим. Ее различные наложницы в бытность ее Темным Властелином доказали, что такие вещи были в ее прошлом. Будет интересно посмотреть. Либо он предложит Лилит невинную Сансу Старк, и она превратит ее в служанку, либо она вернется к своим извращенным вкусам из своей первой жизни и возьмет Сансу для чего-то большего, чем просто служение.

Что бы ни случилось, верный маленький волк принял это. Сейчас он добился ее расположения, а когда придет время, он добьется ее безграничной верности и преданности.

Пока же она была хорошей практикой. Это тело было еще новым, и заново учиться старым трюкам было весело. Либо он вернется к сестре, и она вспомнит достаточно о своем прошлом, чтобы вернуть некоторые из своих прежних желаний, и тогда они с Лилит смогут не только целоваться, либо нет, и тогда у него будет идеальная маленькая игрушка для удовлетворения физических потребностей.

Он заручится верностью Робба через дружбу и будет хранить ее, а Санса будет принадлежать ему.

В последующие ночи их игры с поцелуями повторялись. Он пробирался в ее комнату поздно ночью, и они целовались. В дневное время Санса избегала его, перенимая презрение матери к нему, но все это было лишь уловкой. Иногда Санса практически прыгала в его объятия, когда они целовались, обнимались и занимались очень легким петтингом.

Темный Лорд был терпелив, особенно когда речь шла об извращении разума его слуг.

<http://tl.rulate.ru/book/83591/2677078>